

СИБИРСКАЯ СТАРИНА

краеведческий альманах

2013 №27

СОФЬЯ САПОЖНИКОВА: МНЕ ПОСЧАСТИВИЛОСЬ РОДИТЬСЯ В КИЕВЕ

Софья Львовна Сапожникова (1919–2006), режиссер, член Союза журналистов, член Союза театральных деятелей, приехала в Томск в 1946 г. вместе с мужем В.С. Цейтлиным, участвовала в создании Томского театра кукол, занималась режиссурой во 2-м Томском областном драматическом театре, а с 1955-го работала режиссером первой в Сибири Томской студии телевидения. Осуществила на телевидении около 100 постановок, одновременно выступала как театральный критик. Воспоминания С.Л. Сапожниковой о себе и своей работе были записаны и воспроизведены с магнитной записи главным хранителем фондов ЦДНИ ТО Г.И. Кан в апреле–мае 2001 г. Фрагмент воспоминаний о киевском детстве публикуется по материалам фонда «Томичи о времени и о себе», хранящегося в архиве (ЦДНИ ТО. Ф.5666. Оп.1. Д.66).

Первое мое и очень сильное детское впечатление относится ко времени, когда мне было года полтора. Мне, очевидно, не разрешали подходить к роялю, и я, улучив момент, когда в комнате никого не было, взобралась как-то на стул-вертушку и изо всех сил стала бить по клавишам. То наслаждение, которое я тогда получила, помню до сих пор...

И есть еще одно хорошее воспоминание. Мы жили на даче. Недалеко от нас мороженщик продавал мороженое, которое стоило какие-то копейки. Мне было лет пять, и мне, видимо, выдали эти копейки на мороженое. Иду по улице и вдруг вижу – на дороге лежит рубль. Тогда это было немало, а для меня вообще – колоссальная сумма. Поглядела вокруг, никого нет. Подняла рубль и думаю: «Боже мой, сколько я на эти деньги мороженого накуплю!». А навстречу идет девочка и горько плачет. Оказалось, что она потеряла рубль. И то, что я отдала ей этот рубль немедленно, без рассуждений, я считаю одним из лучших поступков в моей жизни.

Но был и плохой поступок. Там же, на даче. Приехал папа. Он был молодой и красивый, он мне страшно нравился. Папа приехал на кабриолете, и у него в руках был кнут. Какая-то девочка, видимо хозяйская дочь, крутилась возле папы и отвлекала на себя его внимание. От страшной ревности я выхватила у папы кнут и ударила ее! Никогда больше я так никого не ревновала. К счастью, это качество не получило во мне развития...

Призвание свое я ощутила очень рано, лет в 14–15. Я уже знала тогда, что буду или режиссером, или театральным критиком. Этому способствовали впечатления, которые я получила

в Киеве. Мы ходили гулять в сад, который назывался Купеческим, затем Пролетарским (как он сейчас называется, не знаю). Там на открытой эстраде часто выступал симфонический оркестр с лучшими дирижерами не только Советского Союза, но и всей Европы. Хотя я мало еще понимала, но я слышала звуки симфонического оркестра с трех лет. В шесть лет я впервые попала в театр, причем попала очень удачно: мы смотрели летающий балет, больше мне его увидеть в жизни не пришлось. Позже я смотрела спектакли театра русской драмы (первым был «Собор Парижской Богоматери») с ее сильным актерским составом.

Мама в молодости мечтала быть певицей, она имела приятный голос и была музыкально одаренным человеком. Однако рано умер мой папа (мне тогда было 6 лет), и маме пришлось стать бухгалтером. Но артистическое начало у нее сохранялось, и в нашем доме часто бывали люди искусства. А я росла в атмосфере театра.

Софья Львовна Сапожникова с матерью.
Фото из собрания ЦДНИ ТО

Дружила с девочкой, чья мама была оперной певицей. Вспоминаю Марину Ладынину, которая бывала у нас. Она приехала жить в Киев из Одессы, где снялась к тому времени в фильме. Работала в киевской русской драме. Это была крупная женщина с красивыми чертами лица, всегда бледная. Мне она казалась какой-то все время озябшей и очень трогательной. Как я потом убедилась, она безумно нравилась мужчинам, так как была очень женственной. Это была женщина для мужчин.

В то время в Киев приезжал знаменитый итальянский дирижер Вилли Ферреро. Он прославился, еще будучи мальчиком, и, что редко бывает с вундеркиндами, остался гением. Он тоже был у нас в гостях. Небольшого роста, сухое лицо, точеный, будто из дерева профиль. Он, естественно, оставил нам контрамарку на свой концерт в опере. Впечатление от концерта было, пожалуй, самым сильным в моей жизни. Красивый театр! Большой оркестр! Звучит «Полет Валькирии» Вагнера! Это очень динамичное произведение. Когда дирижер, этот небольшой сухонький человек, поднимал кулак на forte, мне казалось, что театр сейчас перевернется. Сильнее впечатления от симфонического оркестра я не получала (молодость!). И когда я окончила школу, я знала, что поеду в Москву и буду учиться театральному делу.

В Киеве с нами жили бабушка и дедушка. Они не были фанатично набожными людьми, но дедушка посещал синагогу. А бабушка, за что я ее уважала, родила тринадцать детей. Правда, в живых осталось только девять. Шестеро из них жили в Киеве. В нашем доме была русская печь, и бабушка целый день крутилась у этой печи. Вечно она туда что-то ставила, вечно что-то перетирала. Но вот наступал вечер, и она снимала фартук, вынимала из шкафа свои священные книги и часа два-полтора сидела за ними...

Бабушку я помню очень старенькой, худенькой. Но мама рассказывала мне, что в молодости бабушка была величественной и красивой женщиной. Мачеха выдала ее замуж за нелюбимого человека, отсюда дед всю жизнь бабушку ревновал ко всем мужчинам. Даже когда бабушке требовался доктор, дед говорил, что она здорова, ревнуя и к доктору. А у бабушки в жизни были одни заботы о большой семье: она варила, стирала, всех обихаживала. Она была кроткой, не помню, чтобы она когда повысила голос. Но в ней постоянно чувствовалась какая-то затаенная боль. Мне потом рассказали, что

когда у нее было уже трое детей, ей встретился человек, которого она полюбила. Любовь была взаимной, но, по представлениям тех лет, оставить семью было невозможно. Так она и прожила свою жизнь.

Мне вспоминается Киев моего детства и юности самыми разными штрихами. Самое памятное – это праздники. К ним готовились за месяц. Прибирали квартиру, чистили посуду, делали колбасы, доставали вина. На праздник к нам приходило до двадцати человек. Это были мамы сестры с семьями. Я вообще считаю киевлян более праздничными людьми. Может быть, это оттого, что на Украине перемешались традиции самых разных народов. Мне довелось побывать и в церкви, и в костеле, и у евангелистов. Все культуры перемешались и оказывали свое влияние на быт населения. Кроме того, что меня обучали французскому и немецкому языкам, я знала хорошо украинский, читала по-польски.

Помнится и другое. Мне было лет девять-десять. Жили мы хоть и скромно, но голода, который начался тогда, не испытывали. Однако я помню женщин-крестьянок с распухшими ногами, которые сидели прямо на мостовой. А в 1930-е годы на Украине, как метлой, выметало людей. Это коснулось и нашей семьи. Спустя три года после смерти отца мама вышла замуж. Отчим был служащий и ничего из себя на иерархической лестнице не представлял. Его арестовали в 1937 году, больше мы его не видели. Было уже совершенно обыденным, придя утром в школу, узнать, что у того или иного одноклассника взяли отца или мать...

У меня было пять двоюродных братьев. К началу войны трое старших братьев были молодыми офицерами. Естественно, они пошли защищать Родину, и все погибли. У старшего брата была к тому времени маленькая дочь. Когда он ушел на фронт, его жена Галя тоже ушла на фронт медсестрой. В Киеве остались родители Гали, на которых она и оставила дочку. Были они подпольщиками или нет, я не знаю, но их расстреляли всех: бабушку, дедушку и внуку. Когда Галя вернулась в уже освобожденный Киев и узнала об этом, она снова ушла на войну и погибла. А два моих младших брата окончили военную академию: один стал подводником, другой – врачом-хирургом.

В 1940 году я поступила в Московское государственное театральное училище на режиссерское отделение...

Публикация Г.И. Кан